

Минул назначенный срок в три дня. Хань Цзюэ прекрасно понимал: Сюань Тяньшэ не покинет подземелье вовремя.

Он предвидел, что тот столкнётся с Призрачным Буддой, знал, что Сюань Тяньшэ узнает старейшину, и был уверен — Чжан Чжунъянь не упустит случая сорвать на нём злобу. Как в таких обстоятельствах можно было выйти на свободу в срок?

За последние сто лет Хань Цзюэ изучил нрав Призрачного Будды досконально. Старейшина всегда ненавидел Сюань Тяньшэ за то, что тот «присвоил» себе его ученика, и считал его характер слишком странным, а потому всячески мешал Бай Линю сблизиться с ним. Обида, копившаяся годами, не могла испариться за одну ночь.

В спальне Хань Цзюэ в Ордене Истребления Бессмертных находился потайной ход, ведущий напрямик в темницу. Захватив лампу, он спустился вглубь. Тайный лаз был узким и сырым, пламя свечи беспокойно металось, грозя вот-вот погаснуть. Коридор заканчивался развилкой из нескольких ступеней; Хань Цзюэ, не колеблясь, свернул направо.

Слева располагались обычные камеры для провинившихся учеников — там запирали на пару дней для острстки. Справа же находились укреплённые казематы, предназначенные для духовных заклинателей с сомнительным прошлым, таких как Сюань Тяньшэ.

Подойдя к нужной стене, он отвалил тяжелую крышку смотрового люка в полу. Заслонка, хоть и небольшая, весила немало: она сдвинулась с противным скрежетом, подняв тучу пыли. Эту камеру он выбрал после долгих раздумий, зная характер Призрачного Будды — здесь было наложено больше всего карающих заклятий. К тому же когда-то именно тут Бай Мэн пряталась от пагубного влияния тёмных сил.

Хань Цзюэ заглянул в люк. Сюань Тяньшэ из последних сил задрал голову и, шурясь, посмотрел вверх. Увидев того, кого и ожидал, он на мгновение расслабился и безмятежно улыбнулся. Словно подбитая бабочка, он бессильно рухнул на камни.

Хань Цзюэ спрыгнул вниз и подхватил Сюань Тяньшэ.

— Маленький господин? Маленький господин!..

Он осторожно встряхнул его за плечи, но ответа не последовало. Сюань Тяньшэ обмяк, голова безвольно свесилась набок. Лицо приобрело мертвенно-синюшный оттенок, губы обескровели. Он лежал в руках Хань Цзюэ, словно труп.

Испугавшись, Хань Цзюэ коснулся его носа — дыхание было едва ощутимым, лишь редкие, прерывистые струйки тепла задевали пальцы. Его сердце похолодело. Стало ясно: Призрачный Будда вновь ослушался приказа и зашёл слишком далеко. К счастью, Сюань Тяньшэ оказался не глуп и вовремя запечатал собственные силы, чтобы противостоять яду.

Не успел он принять меры, как тяжелая железная дверь скрипнула. В камеру вошёл Чжан Чжунъянь — он вернулся проверить, не испустил ли пленник дух.

Увидев Хань Цзюэ, баюкающего обмякшее тело, старейшина на миг растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Цзунчжу? Подчинённый не знал о вашем визите, прошу простить за отсутствие подобающей встречи.

Хань Цзюэ холодно усмехнулся. Он осторожно опустил Сюань Тяньшэ на пол и медленно поднялся, разглаживая складки на рукавах. Его взгляд, прежде лучившийся нежностью, теперь обжигал Чжан Чжунъяня холодом.

— Цзунчжу...

Хань Цзюэ не дал ему договорить. В его руке сооткался сгусток черной магической энергии. Он хлестнул им Чжан Чжунъяня — магия, подобно ледяному кнуту или ядовитой змее, отшвырнула старейшину к стене. Тот глухо ударился о камни и сплюнул кровь.

— Надо же, ты всё ещё помнишь, кто твой глава. Похвально, — Хань Цзюэ зловеще улыбнулся. Он развеял магию и негромко похлопал в ладоши, точно аплодируя. — Раз так, не напомнишь ли, что именно я говорил тебе перед уходом?

Хань Цзюэ присел перед ним и, больно сдавив челюсть Чжан Чжунъяня правой рукой, заставил его смотреть себе в глаза.

— Если память тебе отказывает, — вкрадчиво прошептал он, — может, мне стоит помочь тебе освежить её?

Он резко оттолкнул лицо старейшины. Чжан Чжунъянь зашелся в кашле, выплевывая кровавую пену, и едва слышно проговорил:

— Цзунчжу велел мне... оставить Сюань Тяньшэ в живых.

— Вот как? — переспросил Хань Цзюэ. — А не говорил ли я тебе отравить его до смерти?

— Не говорили.

Хань Цзюэ кивнул в сторону неподвижного Сюань Тяньшэ.

— Тогда взгляни: кто это там лежит при смерти от яда?

— Подчинённый виноват, — Чжан Чжунъянь пал на колени, низко склонив голову.

— Виноват? Нет, ты не просто виноват, ты пошёл на это осознанно! — Хань Цзюэ смотрел на него сверху вниз с нескрываемым презрением. — Ещё во Вратах Четырёх Образов ты терпеть не мог Сюань Тяньшэ и, пользуясь положением шишу, всячески притеснял его. А теперь, предав их и примкнув к Ордену Истребления Бессмертных, ты, ставший падшим духовным заклинателем, решил, что имеешь полное право пытаться его?

— Молю о милости, Цзунчжу!

— О милости? Тебя-то я могу пощадить. Но вот... — Хань Цзюэ сделал паузу, и в его голосе зазвучала насмешка. — Твой драгоценный ученик Бай Линь... стоит ли мне спасать его жизнь или нет?

Чжан Чжунъянь в ужасе подполз к ногам Хань Цзюэ и принялся неистово бить поклоны. Его голос дрожал от слёз:

— Цзунчжу, подчинённый оступился! Молю, пощадите Бай Линя, не трогайте его!

— Удивительно. Вы все готовы в огонь и в воду ради этого Бай Линя. Я даже начинаю завидовать, — Хань Цзюэ брезгливо стряхнул руки старейшины со своих одежд.

Чжан Чжунъянь снова ударился лбом о пол. Металлическая маска впилась в кожу, оставив кровавые отметины, что делало его облик еще более жалким.

— Глава, конечно же, не станет снисходить до сведения счётов с Бай Линем.

— Одного не пойму: раньше ты его просто недолюбливал, а теперь жаждешь его смерти. Почему? — Хань Цзюэ жестом разрешил ему подняться.

— Когда он только начинал путь заклинателя во Вратах Четырёх Образов, я видел, что помыслы этого ребёнка нечисты, — Чжан Чжунъянь зажмурился. Чем сильнее была былая боль, тем яростнее была его нынешняя ненависть. — Позже он покинул орден и вернулся в Город Сюаньянь, став градоначальником, но неведомо где ухитрился нажить врагов среди духовных заклинателей. Те не смогли его найти и обрушили свой гнев на наш орден. Они... они проявили немыслимую жестокость, отрубив ноги Линь-эру, который всегда защищал его!

Он заскрежетал зубами:

— Будь вы на моём месте, Цзунчжу, смогли бы вы проглотить эту обиду и не возненавидеть его?

— Это дело рук тех людей, он мог и не знать о последствиях, — тон Хань Цзюэ смягчился: он понял, насколько глубока привязанность старейшины к ученику.

— Но всё началось из-за него! Если бы он не провоцировал чужаков, Линь-эр не пострадал бы, — Чжан Чжунъянь закусил губу до крови. — Когда ноги Линь-эра были отсечены, я совершил гадание с помощью Техники Божественного Доспеха, и результат был один...

— Расклад безжизненной судьбы.

Хань Цзюэ кивнул. Если бы не стремление спасти Бай Линя, Чжан Чжунъянь не стал бы инсценировать своё исчезновение и переходить на сторону врага.

— Подчинённый готов служить Цзунчжу верой и правдой.

Видя, что ненависть старейшины к Сюань Тяньшэ не утихнет в одночасье, Хань Цзюэ решил пока закрыть глаза на его самоуправство. У него найдутся способы спасти Сюань Тяньшэ, даже если ради этого придётся перевернуть небо и землю.

— Благодарю за милость, Цзунчжу! Благодарю!

— погоди, я ещё ничего не обещал, — Хань Цзюэ остановил его жестом. — То, чем ты его отравил... это «Связывающая бессмертных»?

— Именно так, — Чжан Чжунъянь выпрямился и потянулся за пазуху за противоядием.

— Оно не нужно. Принеси мою Чашу Ясной Луны. Я сам исцелю его.

Чаша Ясной Луны была величайшим сокровищем Ордена Истребления Бессмертных, хранимым за семью замками. Созданная из алого люли в Иллюзорном мире Двух Чистот, она была прозрачной, цвета чистой крови, и обладала изысканной красотой. Но главной была её сила — она могла нейтрализовать любой яд в подлунном мире, даже такой смертоносный, как «Связывающая бессмертных».

Впрочем, этот яд был столь свиреп, что Сюань Тяньшэ не дотянул бы до появления артефакта, если бы не запечатал большую часть своей духовной энергии.

Использование Чаши требовало колоссального мастерства, иначе она могла обернуться против владельца. Последствия отката были суровы: от потери сил до полного рассеивания души.

Хань Цзюэ не боялся ни того, ни другого. Напротив, он хотел использовать этот откат как повод, чтобы прочнее связать себя с Сюань Тяньшэ. Его мотивы не были чисты, но нынешнее воплощение Сюань Тяньшэ вызывало у него живой интерес. Сколько бы он ни наблюдал за ним

издалека прежде, пара дней личного общения доставили ему куда больше удовольствия.

При этой мысли он перестал быть суровым, и в его взгляде появилось мягкое предвкушение.

Левой рукой Хань Цзюэ приобнял Сюань Тяньшэ, а правую, согнув пальцы, расположил в трёх цунях от его лица. Чёрная дымка яда начала медленно сочиться из носа и рта того, собираясь в ладони Хань Цзюэ. Вскоре в воздухе завис плотный черный шар. Он швырнул его в Чашу Ясной Луны, и артефакт мгновенно поглотил заразу без остатка.

Когда он вновь начал вытягивать остатки яда, Сюань Тяньшэ вздрогнул. Он непроизвольно нахмурился, и из горла вырвался приглушенный стон. Черный туман стал редеть, бледнея на глазах.

Хань Цзюэ понял: токсины почти выведены.

Он начал постепенно убавлять поток магии и в самый последний миг едва заметно улыбнулся, намеренно позволив крохотной доле ядовитого отката ударить по себе.

В уголке его рта выступила кровь. Спустя мгновение он глухо кашлянул, и сгусток темной крови брызнул прямо на ворот одежд Сюань Тяньшэ. Хань Цзюэ удовлетворенно окинул взглядом дело своих рук. Всё шло по плану. Но каков же будет эффект отката?..

Он попробовал пошевелить руками и ногами, затем присел и совершил малый круг циркуляции энергии. Никакого дискомфорта. Хань Цзюэ озадаченно нахмурился, решив, что откат оказался слишком слабым, и собрался было выйти, чтобы позвать Чжан Чжунъяня убраться здесь.

Однако, стоило ему отойти от Сюань Тяньшэ на десять шагов, как тело его словно окаменело. Он не смог сделать больше ни единого движения вперед.

«Вот оно что! Оказывается, вот как это работает!»

Хань Цзюэ обернулся к Сюань Тяньшэ, на чьи щеки уже возвращался здоровый румянец, и внезапно рассмеялся.

Что ж, лучше и быть не могло!

<http://bllate.org/book/17529/1693640>